

© 1999 г.

И.А. БУТЕНКО

О ФОНДАХ И ГРАНТАХ

(мнения успешных соискателей и некоторые факты)

*БУТЕНКО Ирина Анатольевна - доктор социологических наук, заведующая отделом
Института культурологии Министерства культуры РФ.*

Считается, что в научные фонды успешно обращается научная элита, то есть самая активная часть ученых, наиболее продуктивно работающая в своей профессиональной научной сфере. В РФФИ, например, поддерживается примерно 25% заявок, то есть из 40-50 тысяч человек победителями становятся (если вести речь только об исследовательских грантах) ежегодно 12-15 тысяч ученых, а с учетом продолжающихся проектов их число составляет уже 25-30 тысяч чел. [1]. В 1997 году при поддержке РГНФ выполнялся 2901 проект. Около 43% сотрудников научно-учебного штата МГУ в 1996-1997 гг. имели гранты российских, 14% - зарубежных научных фондов [2]. Среди делегатов отчетно-выборного съезда Российского общества социологов, проведенного в 1997 г., более трети лиц получали гранты для научной работы от российских учреждений, четверти - от международных или зарубежных.

Кто эти люди? Как оценивают они свои достижения? Что делают с грантовыми средствами?

В последние годы в научной литературе встречается анализ деятельности различных фондов, оказывающих поддержку российской науке [3]. Значительно меньше сведений можно найти о составе грантополучателей, по крайней мере таких сведений, которые были бы не просто отражением того, насколько этот состав соответствует уставным задачам фонда, но и дали бы социологу некоторые представления об этой специфической категории исследователей.

В настоящей статье будут использованы в основном сведения о грантополучателях Московского общественного научного фонда, специализирующегося на поддержке ученых до 40 лет, преимущественно женщин, и предоставляющих индивидуальные 9-месячные гранты в виде стипендии на проведение исследований по истории, экономике, социологии, политологии и проектов, находящихся на стыках двух и более из перечисленных дисциплин. Эти данные будут дополнены некоторыми сведениями о грантополучателях других фондов, действующих в России, что позволит в поиске ответов на поставленные выше вопросы дать картину, полнее характеризующую элиту научного сообщества, ее наиболее успешных членов сегодня.

Методика

Весной 1998 г. по поручению Московского общественного научного фонда был проведен анализ анкет, прилагавшихся к заявкам на индивидуальные гранты. Целью исследования было определить, насколько и в чем именно меняется качественный и количественный состав тех заявителей, которые вышли в финал (победители первого тура) и кто стали грантополучателями (победители второго тура) в четырех конкурсах, объявленных МОНФ соответственно в 1993, 1994, 1995 и 1996 годах; учтен также и опыт 1997 года.

Из всего массива анкет, хранящихся в МОНФ, сотрудниками фонда были отобраны все анкеты лиц, получивших грант (именуемых далее "успешными заявителями") или вышедших в финалы конкурсов 1994-1997 гг. Из нескольких анкет от лица, неоднократно выходившего в финал и/или получавшего грант, учитывалась лишь одна анкета (в выборке отбирались поровну первые и вторые анкеты лиц, которые оказывались финалистами и/или получали грант дважды, и по трети первых, вторых и третьих анкет тех, кто в подобном качестве выступали трижды). Тем самым число рассматриваемых анкет оказывается меньше совокупного количества финалистов и грантополучателей за четыре года. Всего таким образом учтено 842 анкеты, из них участников I-го конкурса - 301, II-го - 229, III-го - 207 и IV-го - 105; в их числе: финалистов (победителей I тура) - 59% и, соответственно, грантополучателей-41%.

Кроме того, в апреле-мае 1998 г. с целью изучения смысла деятельности МОНФ среди финалистов и грантополучателей был проведен почтовый опрос. Адреса отбирались по той же методике, что и анкеты, прилагаемые к заявкам. Всего было разослано 842, получено 395 анкет. В полученных массивах доля представителей различных дисциплин, а также разных возрастных групп, работников вузов и научно-исследовательских институтов и других сфер деятельности в целом соответствовала их долям среди всех грантополучателей и финалистов. В то же время оказалось, что активность победителей была выше, чем адресатов в целом, и в связи с этим наряду с общим описанием результатов рассматриваются раздельно финалисты и грантополучатели, а также, где выявлены заметные гендерные различия, - мужчины и женщины.

Некоторые тенденции в составе грантополучателей

Наиболее заметной тенденцией оказывается омоложение участников, финалистов и победителей конкурсов МОНФ. Правда, среди успешных заявителей и участников конкурса пока еще по абсолютным показателям первенствует старшая возрастная группа (36-40 лет), однако ее доля снижается. За анализируемый период доля этой группы среди успешных заявителей снизилась с 40 до 21%) [4]. В среднем за весь период доля таких лиц равняется 35%, тогда как доля группы успешных заявителей в

возрасте от 26 до 30 лет составила в среднем 22% и в 1996-1998 гг. увеличивалась. (Для сравнения: в Российском фонде фундаментальных исследований среди исполнителей лица до 30 лет составляют 16,4%; от 31 до 40 лет - 28%; среди руководителей проектов лица до 40 лет составляют менее 2% [5].)

Среди успешных заявителей доля выпускников социогуманитарных вузов и факультетов растет от конкурса к конкурсу (с 74 до 89%); в среднем она составляет 80%. Растет также и доля работников вузов (с 41 до 69%), в основном - за счет уменьшения доли работников академических и иных научно-исследовательских институтов (с 48 до 26%); доля работников других бюджетных учреждений незначительна и уменьшается (6,7; 7,9; 6,3 и 3,8% в I-IV конкурсах соответственно); лица, занятые в других сферах, составляют еще меньшую (2%) часть среди финалистов и грантополучателей. (Та же тенденция, кстати, прослеживается и в других фондах. Так, среди заявок в РГНФ в 1995-1998 гг. на долю работников академических институтов приходилось 46,8%, а вузов - 36,8% [6]; среди соросовских аспирантов и докторантов - представителей общественных и гуманитарных дисциплин не старше 35 лет три четверти работают и/или являются аспирантами и докторантами в университетах и вузах [7].)

В МОНФ во втором туре конкурса наиболее высокой оказывается успешность прохождения заявок от работников научно-исследовательских организаций (87% от попавших в итоговый тур); затем идут работники вузов (64%). Для остальных участников успех оказывается не таким простым делом: в среднем только один из двух финалистов из числа других работников бюджетной сферы становится грантополучателем; из числа же лиц, работающих в иных местах - только один грантополучатель приходится на 5 финалистов. (Примерно та же ситуация отразилась в статистике итогов конкурсов других фондов. Например, в РГНФ доля проектов, получивших поддержку, для сотрудников РАН и других научно-исследовательских институтов в 1997 г. составила 55% от принятых к рассмотрению, тогда как среди вузовских - 21% [8]. То же отмечено и применительно к заявкам на получение аспирантами Соросовской стипендии по линии института "Открытое общество". Здесь соотношение между "выигравшими" и "невыигравшими" конкурс в группе научных работников составило 1,3 : 1, а среди вузовских заявителей 1 : 2,7 [9]. В МГУ в 1996 г. 64% научных сотрудников получали российские гранты и 18% - международные, в то время как среди профессорско-преподавательского состава таковых было 44 и 16% соответственно, в 1997 г. эти доли составили 59 и 18% для первых и 32 и 16% - для вторых [10].)

Также имеет место в целом уменьшение доли успешных заявителей МОНФ, имеющих как наиболее высокие (руководители, профессора, ведущие научные сотрудники), так и наиболее низкие должности (младшие научные сотрудники и лаборанты); растет доля аспирантов, научных сотрудников, преподавателей. Что касается лиц, работающих в других сферах, то их анкеты составляют 5% от всего массива, в том числе рядовых работников - 3,4%; руководителей - 1,4%.

Доля лиц, не имеющих ученой степени, среди успешных заявителей - 42%; кандидатов наук - 55%, среди них большинство защитилось в Москве. Упоминания о защите в городах не столичных, т.е. во всех других, кроме Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда) идут на втором месте по частоте (24%). Наконец, в 13% случаев упоминается Санкт-Петербург (Ленинград) как место защиты диссертаций, и доля таких заявителей растет. О защите за рубежом сообщается в 6% анкет. Впрочем, общая доля кандидатов наук от конкурса к конкурсу уменьшается (с 68% в первом конкурсе до 46% - в четвертом).

Диссертацию защитили менее чем за 6 лет до подачи заявки в фонд 31% опрошенных, и доля "свежеиспеченных" кандидатов (и отчасти - докторов наук) с каждым годом (кроме 1994 г.) уменьшалась.

Все чаще успешными заявителями оказываются лица, имеющие "профильное" образование. В основном - это работники вузов.

Представления о фондах

Что думают успешные заявители о фондах поддержки науки и как обычно они используют средства, полученные в форме грантов?

Наука в нашей стране продолжает оставаться сферой, финансируемой преимущественно из госбюджетных источников. Через российские фонды распределяется 5-7% совокупных бюджетных расходов на науку. Тем не менее роль этих, а также зарубежных фондов и организаций, поддерживающих ученых в финансовом отношении, в глазах успешных заявителей выглядит как весьма значительная. Представления о том, что научные фонды - нечто временное, высказала треть финалистов МОНФ, причем большинство из них составили те, кто участвовали в первом конкурсе, когда фонды только разворачивали свою деятельность в нашей стране. От конкурса к конкурсу сторонников такой точки зрения становится все меньше (их доля снизилась с 39 до 9%). Остальные респонденты оценивали их преимущественно как постоянный источник для поддержки научных исследований и мероприятий, связанных с ними.

Судя по ответам, для трети респондентов грант МОНФ стал первым. Среди грантополучателей, охваченных опросом, на первом месте по числу упоминаемых фондов, предоставивших гранты, оказался МОНФ (55%), что не удивительно; на втором - российские фонды (16%), затем - зарубежные фонды, действующие в России (13%) и за рубежом (9%), далее следуют гранты других организаций - ведомств, факультетов, благотворительных обществ, союзов и т.д. У финалистов на первом месте находятся российские фонды (17%), второе делят МОНФ и зарубежные фонды, действующие в России (по 15%), далее следуют гранты "других" организаций и иностранных фондов, действующих за рубежом (по 7%). 40% финалистов вообще не получали грантов.

Использование средств по грантам

За два года, предшествовавших опросу, 60% финалистов и всем победителям конкурса МОНФ доводилось откуда-либо получать средства по грантам на различные цели, связанные с научной деятельностью. Согласно подсчетам, в фэднем на каждого финалиста приходилось 1,05¹, а на каждого победителя - 1,52 гранта, то есть в полтора раза больше (что, кстати, можно расценивать как то, что критерии экспертов различных фондов в определенной степени совпали).

В ответах успешных заявителей МОНФ речь шла прежде всего о грантах на проведение исследований (об этом сообщили 42% финалистов и три четверти грантополучателей²). Затем и в той и в другой группе опрошенных следовали указания об использовании таких средств для участия в конференциях, проведения семинаров. На третьем месте по частоте упоминавшихся расходов оказалось приобретение литературы (о чем сообщили 21% опрошенных, относящихся к упомянутой группе). О литературе, приобретаемой за счет фонда в целях научной деятельности, победители сообщают в пять раз чаще, чем финалисты. У финалистов на третьем месте оказались гранты для "иных" целей (12%). На четвертом месте у победителей идут гранты для проведения научного мероприятия (экспедиции, полевые исследования и т.д.), у финалистов - для публикации результатов своего труда.

Что же касается не фактических, а желательных форм поддержки, то здесь на первом месте находится стипендия исследователю, о чем чаще всего сообщают представительницы женского пола как из числа финалисток, так и среди грантополучательниц. Рассмотрим этот момент чуть подробнее.

Связанные с грантом финансовые возможности, очевидно, были для респондентов весьма существенны: в среднем финалисты имеют 2,06 мест работы, а грантополучатели - 1,53 (хотя эти цифры и не абсолютны, но отражают распространенность

совместительства, причем один раз отмечался даже такой "рекорд", как факт одновременной подработки в пяти вузах).

Сопоставим между собой по характеру дополнительной трудовой деятельности группы финалистов и грантополучателей. И те и другие чаще всего подрабатывают в вузах (40% финалистов и 27% победителей), обычно не в одном; в научно-исследовательских и академических институтах (соответственно 14 и 8%); в консультационных службах, маркетинговых агентствах и подобных им организациях, когда это предполагает использование их научных знаний (15 и 7%). Среди "других мест" чаще всего назывались средние учебные заведения, издательства, а также различные фонды.

Таким образом, стипендия освобождает многих от жизненной необходимости столь интенсивно подрабатывать. Почти половина участников опроса сообщили, что поддержка МОНФ позволила им провести определенные исследования. Впрочем, доля респондентов, отметивших этот ответ, снижается, среди таких опрошенных доля женщин несколько превосходит долю мужчин. Еще четверть участников опроса сообщили, что благодаря гранту они не отвлекались на другую, непрофессиональную работу для получения дополнительного дохода. Каждый пятый признал, что грант позволил ему (ей) сохранить статус исследователя и не оставить научное поприще (об этом несколько чаще говорят мужчины)³.

Похоже, что приобретение технических средств для опрошенных не является самоцелью и не самый актуальный вопрос. Но та техника, которая имеется в распоряжении ученых, несомненно, влияет на их активность и продуктивность. Для успешных заявителей МОНФ 1995 год стал переломным в плане их технической оснащенности: с этих пор у трети из них есть в наличии факс, у четверти - модем. Это, очевидно, относится и к другим ученым, не только к успешным заявителям МОНФ. Опрос, организованный автором в 1997 г. среди 40 известных социологов с ученой степенью, работающих в академической среде и активно выступающих в массовой печати на социологические темы, показал, в частности, что среди социологов-"модернистов"⁴ 40% имели компьютер и дома и на работе (среди "консерваторов", кстати - 12%); только на работе - 25%; только дома - 16%. Доступ к Интернету в 1997 г. имели 36% "модернистов". Среди делегатов съезда Российского общества социологов в 1997 г. компьютер дома и на работе имели 52%, доступ к Интернету - 30%.

Коль скоро речь идет в основном о стипендии, используемой только успешными заявителями МОНФ, то можно предположить, что деятельность МОНФ ценна в основном для грантополучателя. Однако это не так. Например, с тем, что фонд помогает только грантополучателям, согласны лишь 42% финалистов и еще меньше - 30% - самих грантополучателей. Еще треть финалистов и более половины победителей называют "кого-то еще". Кого же именно?

В качестве тех, кому грант оказывается на пользу, они назвали:

- Отдельных лиц, как исследователей (деятельность фонда помогает также и тем, "кто учится составлять заявки", она "стимулирует активность всех участников"; "дает надежду на финансовую поддержку другим молодым ученым"; "деятельность фонда дает надежду тем, кто еще не получал грантов, но может когда-нибудь их получить, и эта надежда позволяет самым увлеченным все же остаться в науке"), так и других специалистов ("экспертам она дает возможность узнавать новые имена, общаться с учеными с периферии"), и иных заинтересованных лиц ("кому интересны результаты исследований", "студентам, преподавателям", "коллегам, смежникам", "научным руководителям", "ученикам").

- Институты (гранты МОНФ помогают "учреждению, где работает грантополучатель", "аналитическим и исследовательским структурам, стремящимся к установлению новых контактов").

- Общество и его отдельные слои ("помогает сохранить в стране общественные науки"; "помогает науке, так как стимулирует научный поиск и содействует проведению независимых исследований", "через публикации фонда формируется сообщество людей, занятых в то или иное время в программах фонда", "...давая возможность раз-

витию новых идей, которые с интересом встречаются научным сообществом, деятельность МОНФ, думается, вносит свой вклад в поддержание творческого потенциала российского научного сообщества").

Настойчивость заявителей

Коль скоро средства, получаемые по грантам, являются и/или представляются столь существенными для ученых, не удивительно, что в конкурсах проявляется настойчивость претендентов. В 1995 г. и позже по инициативе правления фонда в анкеты, прилагаемые к заявкам, был включен вопрос об участии заявителя в предстоящих конкурсах МОНФ. Судя по ответам, около трети финалистов и грантополучателей (31%) в этом виде деятельности не были новичками. Наибольшую настойчивость проявили лица в возрасте от 31 до 35 лет: доля тех, кто не менее двух раз подавал заявки в МОНФ, в этой возрастной группе составила 40%. В то же время среди наиболее молодых финалистов и грантополучателей таковых заявителей оказалось 13%, среди лиц от 26 до 30 лет - 27%, среди самых старших - 35%. Судя по анкетным данным, чаще других проявляли настойчивость:

- кандидаты наук (40% по сравнению с 19% среди лиц без степени или со степенью магистра и с 28% среди докторов наук);

- работники академических и прочих научно-исследовательских институтов (42% против 24% среди работников вузов, 36% среди лиц, работающих в других бюджетных учреждениях, 33% среди работающих в иных местах);

- руководители академических учреждений и вузов (52% против 41% среди научных сотрудников и преподавателей и 40% среди докторантов, 38% среди старших научных сотрудников и доцентов; руководители других учреждений, а также главные и ведущие научные сотрудники и аспиранты подавали повторные заявки соответственно в 33, 27 и 11% случаев).

Наивысшая активность финалистов и грантополучателей, судя по весьма неполным анкетным данным, пришлась на конкурс 1996 г., когда доля ранее участвовавших в конкурсах МОНФ составила среди них почти половину (42%). В 1995 г. таких было 27%, а в 1997 - 30%.

Говоря о настойчивости заявителей, отметим еще одно интересное обстоятельство. Среди уже упомянутых делегатов съездов РОС примерно 15% обращались в различные фонды, но не получили поддержки, а половина вообще никуда не обращалась. Отчего же происходит так, что некоторые и не пытаются?

Думаю, что не последнюю роль играет при этом ориентация исследователей, распределяемая по оси модернизм/консерватизм⁴. 20 человек, выделенных нами в качестве "модернистов", чаще получали поддержку от отечественных и зарубежных фондов, в то время как среди 20 "консерваторов" грантополучателей было меньше, и они почти не обращались со своими заявками в разные фонды. Та же тенденция прослежена в Польше.

Гендерный аспект анализа

Этот аспект заслуживает внимания по крайней мере по двум причинам. Первая связана с уставными задачами МОНФ, а вторая обусловлена очевидной феминизацией вузовской и академической науки.

Что касается МОНФ, то здесь заявители-мужчины преобладали до 1998 г. В 1998 г. женщины впервые составили более половины (52%) заявителей. Заявки, поданные мужчинами, оказались, однако, более успешными [11], в результате чего их доля в исследуемом массиве анкет составляет 59% и имеет различный вес в разных группах успешных заявителей. Так, "концентрация" успешных заявителей-мужчин

более высока в вузах, чем в академических институтах и НИИ (54% против 35%), у женщин - обратная картина (соответственно - 42% и 48%). Успешных заявителей мужчин и женщин - примерно поровну в других бюджетных организациях, а в других небюджетных организациях женщин-победительниц в 5 раз меньше, чем мужчин-победителей.

Среди успешных заявителей "остепененные" мужчины встречаются чаще, чем "остепененные" женщины. Так, в финал конкурса 1998 г. вышли 7 докторов наук - мужчин и лишь одна - женщина [4]. Среди женщин в МОНФ оказываются наиболее удачливыми молодые финалистки, в то время как среди мужчин успех почти не зависит от возраста.

В целом приходится признать, что в фондах, не обращающих внимания на гендерные аспекты, мужчины-заявители оказываются в выигрыше. Например, в Институте "Открытое общество" для участия в уже упомянутом ранее конкурсе было получено 178 заявок от женщин и 135 - от мужчин, но среди победителей и тех и других оказалось равное количество [7]. В РФФИ женщины составляют 29% грантополучателей, и доля их сохраняется неизменной практически во всех возрастных группах. Даже в проектах по гуманитарным наукам она составляет менее 40%. Добавим, что в РФФИ среди победительниц-женщин лишь 10% - руководители, в то время как среди победителей-мужчин - 25%. Среди исполнителей работ по проектам здесь больше всего оказалось женщин, занимающих низкие должностные позиции - научных и младших научных сотрудников, инженеров [2].

Некоторые выводы

Критерии отбора в ряде фондов в конечном счете совпадают: успешные заявители МОНФ часто имеют несколько грантов. Тем самым подтверждается положение о том, что научная элита может быть выявлена посредством анализа состава грантополучателей. Грантополучателями все чаще становятся наиболее профессионально (по профилю) подготовленные исследователи; работники вузов все активнее участвуют в исследовательской работе, финансируемой научными фондами. Успешные заявители высоко оценивают возможности, предоставляемые фондами, видят их место в контексте общей ситуации в стране.

Самые предварительные и неполные данные показывают, что в разных фондах в составе и динамике заявителей и грантополучателей проявляются примерно одинаковые тенденции, видимо, отражающие общую динамику научной элиты страны. Но гендерная ситуация в итогах конкурсов отражения своего не находит.

Это довольно сложный вопрос, требующий большего внимания, чем уделено ему в ограниченных рамках настоящей статьи. Но все же здесь нам необходимо напомнить о гендерных различиях, отражающихся на составлении заявок и их принятии.

Известно, что в силу физиологических особенностей строения и связей между полушариями мозга мужчины оказываются более рациональными и склонными к выстраиванию логических цепочек, а женщины, не отличаясь этой способностью, лучше схватывают ситуацию в целом, умеют видеть такие связи между различными звеньями этих цепочек, которые для мужчин (а большинство экспертов даже гуманитарного фонда принадлежат к этой половине человечества) кажутся несущественными или даже не существующими. Вследствие различного соотношения разных гормонов мужчины считаются более склонными к агрессивности и, следовательно, к соревновательности. Не хотелось бы продолжать эту тему, во-первых, из опасения впасть в грубый физиологический редукционизм и, во-вторых, потому, что культурные (воспринятые, усвоенные) особенности, связанные с различиями между полами, в рассматриваемом случае еще более существенны.

Сами каноны научного изложения, формулировки проблем, аргументации, подбора, иллюстраций у представителей мужской и женской части сообщества неодинаковы.

Возьмем для демонстрации гендерных различий только лишь речевое поведение (а заявки подаются как раз в вербальной форме). Известно: женщины чаще задают вопросы, в том числе риторические, а мужчина-эксперт* может это воспринимать как раздражающее речевое излишество или отражение недостаточной компетенции заявительницы. Женщины более сдержанны в критических оценках. С точки зрения мужчины подобная сдержанность может выглядеть как неспособность оценить положительные и отрицательные стороны обсуждаемой концепции, чуть ли не как "всеядность" заявительниц. Склонность женщин приводить приблизительные цифры превращается в глазах некоторых мужчин, более склонных к категорическим утверждениям и точным цифрам, в неумение оперировать количественными данными; имплицитные знания и тонкие намеки, более присущие женскому способу самовыражения, эксперт-мужчина порой не в состоянии уловить; утверждение "Я думаю", выражающее *уверенность* женщины, эксперт-мужчина воспринимает как выражение *неуверенности* [13] и т.д. Между прочим, подобные, в том числе стилистические расхождения между авторским замыслом и восприятием читателя обычно не осознаются экспертом.

Есть ли выход из подобной, весьма удручающей ситуации?

Конечно, можно на это возразить, что традиционные (читай: мужские) каноны научного изложения сформулированы в требованиях к составлению заявок, и женщины волей-неволей им следуют. Но следуют лишь в той мере, в какой осознают или ощущают некоторые из приведенных и иных различий в стратегии речевого поведения, построения изложения. К тому же следование канону - не решение проблемы, поскольку создает неравные условия для заявителей и заявительниц.

В ряде развитых стран уже осознаны масштабы реальных и потенциальных потерь, которыми чревато социальное доминирование мужчин, в том числе и в научной сфере. Власти и интеллектуалы проявляют исключительное внимание к гендерным сюжетам, принимаются различные - и надо признать, весьма эффективные меры - для преодоления дискриминации по полу, в том числе и среди ученых.

Возможно, в более спокойной и благополучной экономической ситуации можно было бы помечтать о том, чтобы в нашей стране стало больше фондов, оказывающих социальную поддержку научной активности женщин. Но уже и сегодня кое-что можно сделать. Ведь мы не только "живем" в определенной культурной среде, но и сами меняем ее. А интеллектуалы, как известно, стремятся делать это осознанно. Поэтому, думаю, экспертные советы следовало бы составлять в гендерной пропорции по числу занятых в той или иной дисциплине или области (а при сегодняшнем отсутствии надежной статистики - пропорционально численности заявителей того и другого пола) [14]. Или пойти еще дальше и рассматривать мужчинам - заявки мужчин, а женщинам - женщин. Возможно, кому-то все предложенное (и активно используемое в ряде развитых стран) покажется нелепой крайностью, но, вероятно, это один из наиболее реальных и возможных способов обеспечить заявителям и заявительницам равные возможности, не подвергая никого дискриминации, пусть и неявной и неосознаваемой, по половому признаку. И если это скромное предложение найдет свое воплощение в деятельности отечественных фондов*, то от этого только выиграют и заявительницы, и фонды, и наука, и, следовательно, общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неоднократное получение однотипных фантов не учитывалось.

² Речь шла о грантах, выделенных другими организациями.

³ Значительная часть респондентов дали пояснения относительно того, какие преимущества они получили благодаря гранту. Среди них были и такие: грант "помог выжить семье, а работу я все равно менять не собираюсь"; он "создал условия для профессионального роста"; "позволил приобрести оргтехнику" и т.д. Речь нередко шла и о деятельности фонда, который "...открыл возможность для интересных научных контактов"; "оказал моральную поддержку, что очень важно для меня".

* Из 111 экспертов РГНФ, например, лишь 24 женщины (среди 6 социологов - лишь 1).

⁴ К "модернистам" отнесены лица, публиковавшиеся в газетах: "Известия", "Комсомольская правда", "Московский комсомолец", "Независимая газета"; к консерваторам - те, кто опубликовался в "Правде", "Завтра", "Советской России". Этот сбор данных, преследовавший более широкие цели, проведен в рамках исследовательского проекта: I. Boutenko, G. Caldwell. "The Power and the Misery of Social Thinker in the Emerging Civil Society" по гранту World Society Foundation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алфимов М., Минин В., Мирабян Л.* О конкурсах, о грантах и ученых, которые их получают // *Поиск*, 20-26 июня 1998. С. 4-5; *Семенов Е.* Академическая наука в конкурсах РГНФ // *Поиск*, 1998, № 21(471); Он же. Конкурсная поддержка гуманитарной науки в России. Опыт РГНФ // *Поиск*, 1998, № 5-6, с. 455-456.
2. *Алфимов М.* и др. Указ. соч., с. 4-5.
3. *Владыцкая В.А., Куколен И.В., Свищенкова Н.А.* Кто участвует в конкурсах научных проектов? // *Социологический журнал*, 1996, №№ 1-2; *Авдулов А.Н.* Фонды поддержки науки как регуляторы научно-технического развития // *Социс*, 1997, № 8; *Москвичей Л.Н.* Воспроизводство научного потенциала социальных и гуманитарных дисциплин // *Социол. исслед.*, 1998, № 5.
4. Российские общественные науки: новая перспектива // *Поиск*, 18-24 апреля 1998.
5. *Алфимов М.* и др. Указ. соч., с. 4-5.
6. *Семенов В.* Конкурсная поддержка...
7. *Шестопал Е.Б., Лебедева А.Б., Нестерова С.В., Преснякова Л., Якушева Т.В.* Соросовские аспиранты и докторанты. Отчет по исследованию. М.: Ин-т "Открытое общество", 1997.
8. *Семенов В.* Конкурсная поддержка...
9. *Шестопал Е.Б.* и др., указ. соч., с. 11.
10. *Михайлова Т.* Каждый второй - грантодержатель // *Поиск*, 25 апреля - 1 мая 1998.
11. *Владыцкая В.А.* и др. Указ. соч.
12. Российские общественные науки...
13. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Издание Ин-та языкознания РАН, 1992, с. 58 и далее.
14. *Бутенко И.А.* Женсовет в цитадели науки // *Социол. исслед.*, 1998, № 4.